

Накануне прошел дождь проливной, и Рожков решил, как обычно, не рисковать, поберечь автомобиль и ехать на свою любимую заокскую дачу на электричке. Время было полуденное, свободных мест предостаточно — не то что утром, когда припозднившиеся дачники стоят в проходе.

В душноватом разогретом июльским солнцем вагоне пассажиры нетерпеливо ожидали, когда уже электричка тронется и освежит ветерок, захваченный приоткрытыми окнами. Рожков листал газету-толстушку, помахивая ею время от времени перед лицом, как веером. Всего час и он окунется в дивный хвойно-березовый аромат, смягченный протекающей недалеко рекой. Благодать! Вокруг усаживались новые вошедшие. Окидывая их любопытствующим взглядом, заметил восточную женщину лет сорока, одиноко сидевшую в соседнем ряду у окна. Не мог не обратить на нее внимания — ведь родился, вырос, долгие годы жил и работал в Средней Азии и лишь пять лет назад переехал в Россию в числе многих тысяч русских, вереницей потянувшихся на земли дедов и отцов после того, как Советского Союза не стало. Все восточное непроизвольно привлекало.

Присмотревшись к ее лицу, предположил — скорее всего, это узбечка с северо-запада Узбекистана: глаза у нее слегка раскосые. Обитатели тех мест издавна соседствовали с каракалпаками и казахами, роднились, переселялись на сопредельные земли, возвращались обратно. Скрытно вглядываясь, продолжал изучать женщину, анализировать и размышлять: «Одета строго, но современно, едет одна — значит, вряд ли из домохозяйек — у них наряды попроще и не поедут в одиночку в общественном транспорте: язык неважно знают, побаиваются — пристанет кто, обидит. Нет, эта, видимо, сама зарабатывает... Может, на рынке вещевом торгует? Хотя не исключено, что по служебной надобности здесь или в гостях... Неуютно и ей, похоже, одной пускаться в дорогу, черноволосой и черноокой — вон уставилась в окно, не отворачивается. А что там гля-

дети — люди по платформе спуют да поезд на противоположном пути стоит проходящий. Эх, времечко — столько опасений и недоверия посеяно между людьми, недавно еще жившими в одном большом доме, уютном и дружелюбном, чтоб не врал про него».

Электричка отправилась. После второй остановки в салоне вагона появился машинист и быстрым шагом, с видимым беспокойством на лице, прошел в следующий, хвостовой вагон. На очередной станции, во время остановки, пассажиры увидели того же машиниста, бегущего по платформе назад, в голову электрички. Стало понятно — что-то случилось. Это подтвердило объявление, раздавшееся почти тут же из салонного динамика и затем еще раз повторенное: «Граждане, в последнем вагоне мужчина потерял сознание. Если есть среди вас медицинские работники, просьба — подойдите туда».

Электричка двинулась дальше. Рожков и другие пассажиры стали переглядываться: «Может среди нас есть медики?» В первые мгновения выходило, что нет. Неожиданно поднялась та самая узбечка (по догадке Рожкова) и направилась в тревожный вагон.

«Вот те на!» — изумился Рожков и в напряжении стал ожидать развязки.

Через минуту туда же торопливо прошли два сосредоточенных возрастных парня. «Тоже наверняка на помощь; пробирались, видимо, из дальних вагонов, — подумал Рожков».

Вскоре они прошагали по салону обратно, а вслед за ними вернулась и узбечка. Она заняла свое место так же тихо, как и удалилась.

— Как там? Вы ж к нему, к мужчине тому ходили, что сознание потерял? — поинтересовалась пожилая дачница — соседка, ерзавшая на сиденье от неведения.

— Судя по пульсу, похоже на сердечный обморок, аритмический, — живо откликнулась узбечка, выговаривая слова со слабым акцентом. — Под голову ему куртку подложила — иначе язык в глотку западет. Шею и грудь протерла влажным платком, холодным — присердечную область взбодрить. Хорошо бутылка минералки ледяной оказалась у соседей.

— И что он?

— Очнулся. Правда, слабость еще не прошла. Но в Терехово — там, машинист сказал, больница есть — ни в какую не хочет сходить. И раньше, говорит, случалось такое, на природе пройдет... Зря упирается. Кардиограмму нужно обязательно. Давление померят, уколят. Тем более, позвонили уже в больницу, скорую вызвали.

— Вы, наверное, кардиолог?

— Нет, я терапевт. Муж у меня кардиолог.

— Проездом или проживаете тут? — не отставала дачница.

— Мы вместе с сыном приехали. Он в здешний университет поступает.

— А сами откуда?

— Из города Ургенча. Это — север Узбекистана.

Дачница продолжила свои расспросы. К ней присоединились еще две женщины, сидящие рядом. Теперь разговор пошел больше про свои болячки, недомогания. Довольная таким вниманием, соединенным с искренней симпатией, узбечка бойко и с удовольствием стрекотала.

Глаза у Рожкова, наблюдавшего эту картину, увлажнились от гордости и умиления: «Ай молодца, ай умница, еш аёл*! А то можно подумать, что у нас из Средней Азии одни только уборщики, торговцы да чернорабочие строительные обретаются... Как же легко исчезает настороженность, недоверие! Как естественно это взаимное притяжение! Не истребили его годы насаждаемого отчуждения. Все пакости шли в ход, чтобы разделить. И преуспели, вражины... Но вот лучик малый добра, участия блеснул — и не было будто этой черноты. Боже мой! Сколько же общего у нас выросло за недолгую сравнительно историю совместной жизни — вопреки очевидным различиям! Сколько невзгод пережито сообща, а сколько радостей было!».

Рожков отлетел в свое прошлое, безотчетно извлекая из памяти отдельные виды, фрагменты: школа в Бухаре, рыбалка в верховьях Волги у дедушки с бабушкой, институтский стройотряд в Тобольске, сооружение высокогорной гидроэлектростанции на Вахше, ташкентский НИИ, смерть и могила отца в Ташкенте, мучительный отъезд с семьей в Россию, поиски работы, унижительная процедура получения гражданства и, наконец, обретение новых смыслов. Вспомнились опять слова одного почтенного узбека, произнесенные на поминках отца: «Витя, не забудь, что я тебе скажу. Не потому, что поминки, нет... Многие русские теперь уезжают из Узбекистана. И это будет продолжаться. Так повернулось против желания простых людей... Ты, наверное, тоже уедешь. Я хочу, чтобы русские оставались. Знай, узбеки уважают русских потому, что живут рядом с такими русскими, как твой отец».

Встрепенулся, когда электричка уже остановилась на его станции, и прозвучало ее наименование. Мигом схватил сумку, рванулся к выходу и успел проскочить через закрывающиеся двери.

Идя по лесной тропинке к даче, Рожков благодарил Бога, что дал познать счастье и на пустынной, жаркой родине, и в бескрайнем отечестве, разлаженном, в который раз жутко ослабленном, но чудным образом несокрушимом и своем, непередаваемо своем.

* Ёш аёл — молодая женщина (узб.)